

Деятельность местных органов власти по обеспечению государственной и общественной безопасности на территории Северо-Западного края Российской империи (1900–1907)

С. В. Ананьев

Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации,
Москва, Россия
sergey_ananyev1982@mail.ru

Аннотация.

В статье рассматривается деятельность местных органов власти Северо-Западного края Российской империи по решению проблем в сфере государственной и общественной безопасности в регионе в 1900–1907 годах. Целью статьи является анализ правительской политики с учетом местных социально-политических, экономических и конфессиональных особенностей и условий, а также личного вклада генерал-губернаторов, руководивших краем в указанный период, в борьбе с революционным и националистическим движениями. Исследуются основные направления деятельности проводимой политики и показаны ее результаты. Сделан вывод о том, что деятельность местных органов власти в западных районах Российской империи по обеспечению государственной и общественной безопасности имела не только цель по восстановлению правопорядка в преддверии и в период Первой русской революции, но также носила социальную и конфессиональную направленность, отличалась непостоянством и зависела от меняющегося курса государственной политики и политической конъюнктуры того времени. Политика русификации, бюрократизации и унификации, сопровождаемая административно-полицейскими мерами не способствовала окончательной стабилизации общественного порядка и внутренней безопасности в регионе. В работе использованы ретроспективный, проблемно-хронологический, историко-сравнительный методы исследования.

Ключевые слова: русификация, национальная политика, интеграция, унификация, безопасность, рабочее движение, революционное движение

Для цитирования: Ананьев С. В. Деятельность местных органов власти по обеспечению государственной и общественной безопасности на территории Северо-Западного края Российской империи (1900–1907) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 47–55.

Original article

Activities of Local Authorities to Ensure State and Public Security in the North-West Territory of the Russian Empire (1900–1907)

Sergey V. Ananyev

Main Center for Scientific Research of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation, Moscow, Russia
sergey_ananyev1982@mail.ru

Abstract.

The article examines the activities of local authorities of the North-Western Territory of the Russian Empire to solve problems in the field of state and public security in the region from 1900 to 1907. The purpose of the article is to analyze the peculiarities of organizing government policy, taking into

account local socio-political, economic and confessional characteristics and conditions, as well as the personal contribution of the governors-general who led the region during the specified period, in the fight against revolutionary and nationalist movements. The main directions of the policy are noted and its results are shown. It was concluded that the activities of local authorities in the western outskirts of the Russian Empire to ensure state and public security had not only the goal of restoring law and order in the run-up to and during the First Russian Revolution, but also had a social and confessional orientation, was unstable and depended on the changing course of state policy and political conjuncture of that time. The policy of Russification, bureaucratization and unification, accompanied by administrative and police measures, did not contribute to the final stabilization of public order and internal security in the region. The work uses retrospective, problem-chronological, historical-comparative, as well as general scientific research methods. This study deepens the information available in Russian historiography on the issue under study.

Keywords: russification, national policy, integration, unification, security, labor movement, revolutionary movement

For citation: Ananyev, S.V. (2025). Activities of local authorities to ensure state and public security in the North-West Territory of the Russian Empire (1900-1907). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(860), 47–55. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В статье анализируется деятельность местных органов власти по обеспечению государственной и общественной безопасности на территории Северо-Западного края Российской империи в 1900–1907 годах. Актуальность темы состоит в необходимости изучения внутренней политики многоконфессионального, многонационального государства на примере одного из регионов Российской империи в предреволюционный и революционный периоды, в особенности в тех его западных окраинах, которые потенциально являются объектом межцивилизационной борьбы.

В преддверии и в период Первой русской революции 1905–1907 годов перед органами местной власти Северо-Западного края Российской империи встали задачи не только по восстановлению нарушенного революционными событиями правопорядка, но и по продолжению курса русификации, унификации и дальнейшей интеграции данных территорий в государственную структуру, которые должны были стать залогом внутренней безопасности и общественного порядка в регионе.

В Северо-Западном крае Российской империи наблюдалась тенденция к централизации местной власти, укреплению положения и расширения полномочий генерал-губернатора и губернаторов. Генерал-губернатором осуществлялся прямой и косвенный надзор над местной администрацией и другими органами власти, сам он подчинялся непосредственно только императору. Политика по обеспечению государственной и общественной

безопасности в западных губерниях государства, тем самым строилась на консервативных началах с применением военно-полицейских мер.

ОБОСТРЕНИЕ ОБСТАНОВКИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В Северо-Западном крае Российской империи после смерти в 1901 году генерала от инфантерии В. Н. Троцкого, должность Виленского генерал-губернатора вплоть до сентября 1902 года оставалась вакантной, а управление краем перешло под непосредственное управление МВД. В среде высших правительственные чиновников существовало мнение, что генерал-губернаторство в данном крае уже выполнило свою роль по его интегрированию в имперскую структуру, а термины «Западный край» и «Северо-Западный край» в служебном лексиконе упоминались всё реже¹. С 1901 года в Минской, Могилевской и Витебской губерниях началось постепенное введение элементов земского самоуправления, по примеру остальных территорий государства.

Вместе с тем ситуация в национальной, конфессиональной и социальной сферах в Северо-Западном крае была всё еще далека от стабильной. Об обострении национального вопроса, грозившего эскалацией внутренней обстановки, писал ковенский губернатор А. П. Рогович, отметивший только за период 1900–1901 годы значительное усиление сплоченности литовского населения губерний, формальность подчиненности властям

¹Российский государственный исторический архив (далее РГИА). РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 36.

польского населения и отсутствия перспектив его сближения с русским национальным элементом¹.

Начиная с 1900 года руководители губерний Северо-Западного края, светская печать и представители православной церкви также отмечали рост религиозной нетерпимости местных католиков к православному населению. В частности, гродненским губернатором Н. П. Урусовым в докладе министру внутренних дел о положении губернии были отмечены активизация деятельности тайных польских школ, агитация ксендзами католической веры против посещения их детьми церковно-приходских школ, а также приводились случаи насилийственных действий со стороны римско-католического духовенства и отмечалось резкое неприятие православия со стороны местных крестьян [Ганчар, 2008]. Министр внутренних дел В. К. Плеве признал ошибочность конфессиональной политики, проводимой местными властями, распространявшими православие среди католиков [Линкевич, 2008].

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. Д. СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО В КРАЕ

Новый генерал-губернатор Северо-Западного края П. Д. Святополк-Мирский (1902–1904) свою деятельность строил на политике компромиссов местной власти с польской общественностью и католической церковью, от конфронтации с которыми он предлагал отказаться, из-за усиления антирусских и антиправославных настроений среди католиков, более острого осознания своей национальности. Он считал ошибочным прежнее отождествление религии с национальностью и полагал необходимым признание многоконфессионального характера края. Генерал-губернатор также предлагал снизить размер штрафов за деятельность тайных католических школ [Ганчар, 2008]. Тем самым П. Д. Святополк-Мирский провозглашал курс на смягчение религиозно-этнической политики в крае и изложил его в циркуляре от 2 июля 1903 года². По его мнению, эта перемена должна была привести к стабилизации внутренней ситуации в регионе. Подобной точки зрения придерживался минский губернатор П. Г. Курлов, написавший в своих воспоминаниях, что «правительство исходило из неправильного положения, что все лица римско-католического вероисповедания – поляки, тогда как среди католиков была масса белорусов, ничего общего с поляками не имевших» [Курлов, 1992, с. 65–66], недопущение полонизации которых, должно было стать главной задачей местных властей.

¹РГИА. Ф. 1282. Оп.3. Д. 545.

²РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 846.

Нельзя сказать, что генерал-губернатор П. Д. Святополк-Мирский при этом не ратовал за укрепление позиций русского землевладения, народного образования и православной церкви, хотя и скептически относился к их просветительским возможностям в среде местного населения, в отличие от положения гражданской школы, позиции которой, по его мнению, должны быть усилены. Введение данных мер, как он полагал, должно было способствовать общественному спокойствию и укреплению внутренней безопасности в крае³.

Еще одним из числа наиболее последовательных проводников расширения русского землевладения и сторонников укрепления позиций местной власти в западных губерниях следует отметить гродненского губернатора (1902–1903) и будущего председателя Совета министров П. А. Столыпина. На местном уровне он предлагал расширить права земств, при этом увеличив имущественный ценз для избираемых в них лиц⁴. П. А. Столыпин уже тогда показал себя волевым администратором, проводя гибкую политику с учетом местных условий и пресекая попытки польского сепаратизма в масштабе управляемой им губернии [Гайда, 2020]. Именно «белорусская» административная практика, знавшая феномен хуторского хозяйства, привнесенного из Прибалтики остзейскими переселенцами [Липинский, 1978], заложила первый теоретический камень под фундамент будущей аграрной реформы.

К числу русских администраторов, укреплявших авторитет и позиции русской власти в западных губерниях в первые годы XX века, обеспечивавших государственную и общественную безопасность на их территориях, следует отнести:

- виленских губернаторов В. В. Валя (1901–1902), ужесточившего административно-полицейский режим в губернии и внесшего большой вклад в восстановление там безопасности, и К. К. Палена (1902–1905), пересмотревшего законодательство о еврейском населении;
- гродненского губернатора П. А. Столыпина (1902–1903), начавшего воплощать свои реформаторские аграрные и земельные проекты на местном уровне;
- могилевского губернатора Н. М. Клингенберга (1902–1905), укреплявшего правопорядок в управляемой им губернии [Альманах, 1897].

³РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 352.

⁴Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). ГАРФ. Ф. 586. Оп.1. Д.261.

РОСТ РАБОЧЕГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В КРАЕ

В начале XX века в губерниях Северо-Западного края наблюдался рост рабочего революционного движения в связи с численным увеличением рабочей среды и активизацией пропагандистской деятельности со стороны революционеров социал-демократического лагеря. Там действовал целый ряд революционно настроенных националистических и откровенно террористических организаций. Появление революционных организаций связывалось с количественным ростом пролетариата в западных губерниях империи. Только в белорусских губерниях Северо-Западного края к 1900 году насчитывалось до 180 тыс. рабочих, занятых в сферах текстильного, деревообрабатывающего и пищевого производств. Так, за 1870–1894 годы белорусский пролетариат принял участие в 12 стачках, а в 1901–1904 – уже в 52 [Бич, 1983].

Кроме действовавших в крае филиалов РСДРП и Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, популярность получили еврейские революционные организации. В 1900–1901 годы в польских и белорусско-литовских губерниях были организованы кружки сионистов-социалистов, а также еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей-Цион» («Рабочие Сиона»). К другим еврейским революционным партиям, активно действовавшим на территории западных губерний, следует отнести «Рабочую партию политического освобождения России», объединившую своих сторонников в российских, польских и украинских городах и просуществовавшую до 1903 года. Однако наибольшую популярность среди еврейских революционных организаций получил «Бунд» (идиш – союз), до 1903 года входивший в состав РСДРП и стоявший на политической платформе организации классовой борьбы, еврейского сепаратизма, стачечного движения, вооруженного восстания и осуждавший террористические методы революционной борьбы. Расцвет этой партии пришелся на период Первой русской революции 1905–1907 годы [Бунд, 2010].

ОТВЕТНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ОХРАНИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

На фоне либерализации правительственной политики в Северо-Западном крае в период генерал-губернаторства П. Д. Святополк-Мирского, отдельные администраторы выступили апологетами проведения непримиримой и принципиальной политики против сепаратистских пополновений и растущего революционного движения. К их

числу, помимо уже упомянутого П. А. Столыпина, следует отнести виленского губернатора В. В. Валя. В 1901 году сторонниками политики «полицейского социализма» в Минске была основана «Еврейская независимая рабочая партия», а к антиреволюционной пропаганде были привлечены школы и православная церковь. В. В. Валь, к тому времени уже получивший большой административный опыт управления западными губерниями, был назначен на пост виленского губернатора в 1901–1902 годы и сразу же начал репрессии в отношении инакомыслящих. Так, в сентябре 1901 года в г. Сморгонь Гродненской губернии были направлены две сотни казаков для подавления общественных протестов и арестовано 70 человек [Бич, 1983].

Общественный резонанс получили события 1 мая 1902 года, когда после организации местными социал-демократами уличной демонстрации, по приказу губернатора начались массовые аресты в городском театре и на улицах Вильно, в результате которых 26 человек (18 евреев и 8 поляков) были подвергнуты порке розгами в здании виленской тюрьмы в присутствии самого В. В. Валя. Подобные наказания демонстрантов были исполнены в Минске и Витебске. В отместку за эти действия властей 5 мая 1902 года сапожник Г. Леккерт совершил покушение на жизнь губернатора, в результате которого тот получил ранения. Покушавшийся был задержан и уже 28 мая казнен через повешение [Крот, 2021]. В. Валь своими действиями показал приверженность старым способам борьбы с политической оппозицией на пути к восстановлению внутренней безопасности и общественного порядка в вверенной ему губернии.

МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И СОБЫТИЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В 1905 ГОДУ

Как известно, поражения русской армии в Русско-японской войне 1904–1905 годов, рост социально-экономической напряженности, усиление агитации и пропаганды со стороны революционного лагеря и нерешенность национального, аграрного, конфессионального и ряда других вопросов вызвали в стране Первую русскую революцию 1905–1907 годов. Находившийся на посту председателя Комитета министров С. Ю. Витте, главные причины развернувшихся революционных событий на территории западных окраин государства видел в факторах «польско-национального патриотизма» и «произвола русского бюрократизма», которые объединили различные группы местного населения в стремлении «освободиться от русского влияния» [Витте, 1924, с. 129].

Революционные настроения 1905–1907 годов в Северо-Западном крае стали проявляться уже в январе 1905 года. Социальная дифференциация в сельских поселениях, тяжелые условия работы местного пролетариата, пропагандистская деятельность католических священников, активизация деятельности революционных партий, нерешенность ряда внутриполитических вопросов усугубляли накал общественного недовольства. Нельзя недооценивать и национальный фактор, выразившийся во влиянии пусть и немногочисленной, но пассионарной и мотивированной польской среды, что признавалось отдельными руководителями западных губерний в первые годы XX века [Сталюнас, 2005]. Как и в период польского восстания 1863–1864 годов, с началом январских событий 1905 года в Петербурге, многие революционные эмиссары стали прибывать в белорусско-литовские губернии из польских губерний и непосредственно самой столицы. Помимо стачек фабрично-заводских рабочих, которые приводили к закрытию местных предприятий, начались забастовки мелких чиновников и служащих.

Одной из местных особенностей в годы Первой русской революции стали вооруженные столкновения отрядов еврейской самообороны, организованные «Бундом», с праворадикальными общественными группами – исполнителями еврейских погромов. Так, первая погромная волна в самом начале 1905 года прошла в Гомеле, Белостоке, Могилеве [Бунд, 2010]. Кроме того, представителей местных органов власти и состоятельных жителей города терроризировали гомельские эсеры [Кошель, 1996].

Для восстановления порядка, местные власти были вынуждены прибегнуть к помощи дислоцировавшихся в западных губерниях воинских частей. Начались кадровые чистки среди служащих. Например, только из числа служащих Полесских железных дорог было уволено свыше 100 человек [Обнинский, 1906]. В то же время местные власти пошли на некоторые уступки. Так, закон от 22 декабря 1865 года, ограничивавший права польских помещиков, 14 мая 1905 года был отменен под влиянием революционных событий.

Летом – осенью 1905 года забастовки на предприятиях, аграрные волнения, демонстрации в городах, кровопролитные столкновения протестующих с полицией и войсками не только не прекратились, а даже значительно усилились. К примеру, 18 августа 1905 года было совершено покушение на жизнь могилевского губернатора Н. М. Клингенберга, но брошенная террористами в его экипаж бомба – не разорвалась. В дальнейшем, 29 октября 1905 года «двумя выстрелами в живот и в руку» он был

«тяжело ранен в своей приемной» [Киселев, 2008, с. 50]. Наиболее кровопролитные события происходили во второй половине октября 1905 года. Доклады губернаторов Виленской, Витебской, Могилевской, Гродненской губерний подтверждали факты многочисленных аграрных волнений, забастовок и демонстраций, наиболее крупной среди которых стала забастовка почтово-телеграфных служащих. В период возникших в октябре – декабре 1905 года беспорядков рабочих действовали боевые организации «Бунда», пытавшиеся сорвать работу промышленных предприятий и совершившие вооруженные нападения на правительственные войска [Гейфман, 1997].

Интересные воспоминания об октябрьских событиях 1905 года принадлежали минскому губернатору П. Г. Курлову, более известному по занимаемым в дальнейшем должностям на постах товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов. В Минске забастовали железнодорожные всех линий, служащие городского водопровода и электростанций. Городские магазины и лавки закрывались, на улицах собирались большие группы манифестантов, требовавших вывода войск из города, освобождения всех политических и административных арестантов. В целях эффективной организации административно-полицейского противодействия усилившимся беспорядкам П. Г. Курлов начал кадровые перестановки, сняв со своих должностей правителя губернской канцелярии и полицмейстера. Частично удовлетворив требования демонстрантов, он усилил внутренние городские караулы и перешел к наведению порядка на улицах городов с помощью полиции и казачьих частей. Бастовавшие на предприятиях рабочие заменились солдатами из состава дислоцировавшихся в губернии воинских частей. В итоге, в Минской губернии не было разгромлено ни одного поместичьего имения и не был допущен готовящийся еврейский погром [Курлов, 1992] на фоне уже организованных правыми радикалами погромов в ряде других белорусских городов [Дрезен, 1936].

Помимо политических выступлений осенью 1905 года усилились и волнения на религиозно-этнической почве со стороны католического населения края, проявившего довольно высокую организованность под руководством католических священников. Под их непосредственным влиянием и в условиях нарастающего революционного кризиса всё чаще возникали попытки насилиственного захвата православных церквей и монастырей, также отмечались и случаи прозелитизма. Уступки правительства в отношении католической церкви и снятие ряда ранее введенных запретов, укрепили местный

католический клир в мысли, что именно они являются хозяевами положения в духовной жизни края¹. В конце года увеличилось количество бывших униатов, перешедших из православия в католичество. Так, в течение 1905–1907 годов на территории Минской, Виленской и Гродненской губерний в католицизм перешло около 38 тыс. человек. В результате уже в 1906 году конфессиональное напряжение в крае стало успокаиваться [Чихачев, 1913].

Местные полицейские чиновники, как правило, ограничивались лишь докладами вышестоящему начальству о сложившейся ситуации². Со стороны вышестоящих органов не поощрялась инициатива по привлечению городских и охранных дружин, содействующих полиции. Всё это, безусловно, отражалось на состоянии общественной безопасности в регионе.

Кроме роста межконфессиональной напряженности в крае, в конце 1905 года усилилось социальное брожение со стороны крестьян, о чём в своих отчетах докладывали местные губернаторы³. Это проявление недовольства выразилось в вооруженных нападениях на помещичьи имения, забастовках, самовольных порубках леса и ловле рыбы в помещичьих угодьях. В начале декабря 1905 года в городах Северо-Западного края прошли забастовки рабочих. Общая ситуация грозила выйти из-под контроля властей, следовательно, поставила их перед необходимостью принятия новых мер по восстановлению внутреннего порядка и общественного спокойствия. Виленский губернатор С.С. Татищев обнародовал объявление, которое гласило о немедленном введении чрезвычайного положения в губернии в случае продолжения забастовок.

Руководство Виленского военного округа предписывало местным военным органам провести мероприятия в условиях революционного брожения и усиления пропаганды среди местных воинских частей и подразделений: «установить охрану на путях сообщения портов с городами; прекратить шатания матросов; удалить всех рабочих из района расположения казарм; ускорить следствие; выявить зачинщиков»⁴. В связи с заметной активизацией католического населения края началось привлечение полиции к охране церковных служб и процессий, признавалась необходимость выселения всех подстрекателей с территории западных губерний.

¹НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 45847

²Там же.

³Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). РГВИА. Ф. 1956. Оп.1. Д. 547.

⁴РГВИА. Ф. 1956. Оп.1. Д. 540.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕВОЛЮЦИОННОМУ ТЕРРОРУ В 1906 ГОДУ

Введение военного положения спровоцировало новые террористические акции в отношении царских чиновников и администраторов. В частности, 14 января 1906 года в Минске партией эсеров было совершено покушение на жизнь губернатора П. Г. Курлова. Однако агентом охранного отделения З. Ф. Жученко орудие готовящегося покушения – бомба – было заблаговременно обезврежено и не сработало, а покушавшиеся преступники были задержаны. П. Г. Курлов обнародовал запрет выхода на улицу позже 20 часов для жителей города, а затем в губернии снова было объявлено военное положение [Агурский, 1928].

Принятые местными органами власти меры уже в начале 1906 года способствовали деэскалации революционной борьбы, но не свели на нет отдельные проявления протестов в виде забастовок и особенно террористических акций со стороны эсеров, анархистов и бундовцев. Последние прибегали к террору, осуществляя вооруженные нападения на местные избирательные участки, уничтожая списки избирателей, с целью срыва выборов в Первую Государственную Думу. Боевики «Бунд» совершали вооруженные нападения на представителей местных органов власти и их сторонников. Террористы-экспроприаторы действовали как в составе местных эсеровских, так и среди анархистских и бундовских групп [Бунд, 2010].

Наряду с революционной и политической борьбой в Северо-Западном крае, другой угрозой государственной и общественной безопасности стало активизировавшееся движение политических активов польского, белорусского, еврейского и литовского населения за свои национальные права. В 1906 году в Вильно была образована Конституционно-католическая партия Литвы и Белоруссии, впоследствии запрещенная правительством, а также Литовская демократическая партия, выступившая за выход Литвы из состава Ковенской, Виленской, Гродненской, Курляндской и Сувалкской губерний [Западные окраины Российской империи, 2006]. Литовский язык, наряду с польским попал в категорию признанных национальных языков края, на котором разрешалось преподавание в местных школах. Постепенно восстанавливалась деятельность римско-католических братств, но борьба с нелегальными польскими тайными школами еще продолжалась [Ганчар, 2008].

В связи с активизацией профсоюзного движения и укреплением его взаимодействия с революционными организациями, 4 марта 1906 года был издан закон об обществах и союзах, позволявший

контролировать деятельность профсоюзных групп. Только в одной Виленской губернии властями были зарегистрированы около 20 профсоюзов из состава рабочих и служащих, 4 из которых впоследствии были закрыты. Не допускались антиправительственные проявления в деятельности этих организаций, они сами вставали на учет¹.

В период Первой русской революции свою лепту в обеспечение общественной и государственной безопасности в крае в пределах своих губерний внесли царские администраторы, среди которых необходимо отметить: гродненского губернатора Ф. А. Зейна (1906–1907); минских губернаторов П. Г. Курлова (1905–1906) и Я. Е. Эрдели (1906–1912). В конце 1905 – в начале 1906 года управление губерниями Северо-Западного края стало осуществляться по законам военного времени, с наделением генерал-губернаторской власти чрезвычайными полномочиями. Начальник края получал право единоличного решения всех следственных дел без суда, в том числе с конечным вынесением смертного приговора. Правительство не остановилось перед дальнейшими преобразованиями на пути укрепления правоохранительной системы Российской империи в 1906–1907 годах.

Принятые царским правительством в 1906–1907 годах административно-полицейские меры, сопровождаемые массовыми обысками и арестами, способствовали постепенному восстановлению общественного порядка и внутреннего спокойствия на территории Северо-Западного края. Местные тюрьмы были переполнены арестованными лицами. Например, только в Могилевской каторжной тюрьме вместо допустимых по санитарной норме 170 арестантов содержалось свыше 500 человек, а через 9 имевшихся в Минской губернии тюрем прошло свыше 21 тыс. человек. Общее число лиц, находящихся в местах заключения увеличилось на 15–20 %. [Солодков, 1967]. Земские учреждения в губерниях края в этот период так и не были введены из-за опасения властей усилить в них позиции польского представительства.

¹ГАРФ. Ф. 102. Оп.116. Д. 949 (МКФ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Местные органы власти западных губерний Российской империи в период с 1900 года вплоть до завершения Первой русской революции получили широкие полномочия, позволившие на том этапе остановить рост революционного движения и на время стабилизировать государственный порядок и обеспечить общественную безопасность. Несмотря на нерешенность ряда болезненных для региона внутриполитических вопросов (национального, конфессионального, земельного, кадрового, рабочего и др.), подбор чиновников руководящего звена на местах дал возможность внедрить в практику принятые органами центральной власти решения, необходимые для общественного спокойствия.

Революционное движение в Северо-Западном крае после 1907 года испытывало кризис, несмотря на сохранившиеся проявления политического терроризма и бандитизма. Социал-демократические организации были разгромлены полицией и жандармскими органами [Солодков, 1967]. В отдельных городах края военное и чрезвычайное положения были сохранены вплоть до 1909–1910 годов, как и полномочия местных губернаторов по объявлению там чрезвычайного положения². Однако положение пролетариата и крестьянского населения в западных губерниях империи оставалось тяжелым.

Таким образом, в сложившихся условиях были необходимы продолжение борьбы с революционными организациями и пресечение их деятельности, а также принятие комплекса административных и социальных мер в отношении той общественной среды, откуда шло регулярное пополнение новых революционных элементов. Отдельные представители центральной власти хорошо осознавали эти обстоятельства, как например председатель Совета министров Российской империи П. А. Столыпин, произнесший в 1909 году фразу, ставшую афоризмом: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» Но столько времени дальнейшая история Российской империи, как известно, не предоставила.

²РГИА. Ф. 1276. Оп.10. Д. 125.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ганчар А. И. Римско-католический костел в Беларуси (1864–1905). Гродно: Гродненский государственный аграрный университет, 2008.
2. Линкевич В. Н Межконфессиональные отношения в Беларуси (1861–1914). Гродно: Гродненский государственный университет, 2008.
3. Курлов П. Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1992.

4. Гайда Ф. А. Белоруссизм в контексте столяпинского национализма // Тетради по консерватизму: Альманах. 2020. № 2. С. 337–340.
5. Липинский Л. П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск: Белорусский государственный университет, 1978.
6. Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1897.
7. Бич М. О. Рабочее движение в Белоруссии в 1861–1904 гг. Минск: Наука и техника, 1983.
8. Бунд. Документы и материалы. 1894–1921. М.: РОССПЭН, 2010.
9. Крот М. Н. Деятельность фон В. В. Валя на посту главы Виленской губернии в 1901–1902 годах // Научный диалог. 2021. № 10. С. 396–411.
10. Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. 2-е изд. Л.: Гос. изд-во, 1924. Т. 2.
11. Сталюнас Д. Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-х годах XIX века // Русская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: МГУ, 2005. С. 570–582.
12. Кошель П. История сыска в России: в 2 кн. Минск: Литература, 1996.
13. Обнинский В. П. Полгода русской революции: сборник материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.). Вып. 1. М.: типография И. Н. Холчев и К°, 1906.
14. Киселев А. А. Бомба для генерал-губернатора. Революционный террор и чиновники МВД белорусских губерний в 1905–1907 годах // Беларуская думка. 2008. № 6. С. 48–53.
15. Гейфман А. А. Революционный террор в России, 1894–1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.
16. Дрезен А. К. Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / Сборник документов. М.: Соцэкгиз, 1936.
17. Чихачев Д. Н. Вопрос о располячении костела. СПб.: издание Н. Н. Ольшанского, 1913.
18. Агурский С. Х. Революционное движение в Белоруссии (1863–1917). Минск: Белгосиздат, 1928.
19. Западные окраины Российской империи / Л. А Бережная, О. В. Будницкий, М. Д. Долбилов и др. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
20. Солодков Т. Е. Борьба трудящихся Белоруссии против царизма (1907–1914). Минск: Наука и техника, 1967.

REFERENCES

1. Ganchar, A. I. (2008). Rimsko-katolicheskiy kostel v Belarusi (1864–1905) = Roman Catholic Church in Belarus (1864–1905). Grodno: Grodnenskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet. (In Russ.)
2. Linkevich, V. N. (2008). Mezhkonfessional'nie otnoscheniya v Belarusi (1861–1914) = Interfaith relations in Belarus (1861–1914). Grodno: Grodnenskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
3. Kurlov, P. G. (1992). Gibel' Imperatorskoy Rossii = Death of Imperial Russia. Moskow: Contemporary. (In Russ.)
4. Gaida, F. A. (2020). Belarusianism in the context of Stolypin nationalism. Notebooks on conservatism: Almanach, 2, 337–340. (In Russ.)
5. Lipinsky, L. P. (1978). Stolipinskaya agrarnaya reforma v Belorussii = Stolypin agrarian reform in Belarus. Minsk: Belorusskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
6. Al'manach sovremenich russkich gosudarstvenich deyatelei (1897) = Almanac of Contemporary Russian Statesmen. St. Petersburg: Type. Isidore Goldberg. (in Russ.)
7. Beach, M. O. (1983). Rabochee dvigenye v Belorussii v 1861–1904 gg. = Labor movement in Belarus in 1861–1904. Minsk: Science and technology. (In Russ.)
8. Bund. Dokumenti i materiali. 1894–1921. (2010) = Bund. Documents and materials. 1894–1921. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
9. Krot, M. N. (2021). Deyatel'nost' fon V.V. Valya na postu glavi Vilenskoi gubernii v 1901–1902 godach = Activity von V. V. Valya as head of the Vilnius province in 1901–1902. Scientific dialogue, 10, 396–411. (In Russ.)
10. Vitte, S. Yu. (1924). Vospominaniya = Memories. (Vol. 2). 2nd ed. Leningrad: State publishing house. (In Russ.)
11. Stalyunas, D. (2005). Mozschet li katolik bit' russkim? O vvedenii russkogo yasika v katolicheskoe ogosluzchshenie v 60-h godah 19 veka = Can a Catholic be Russian? On the introduction of the Russian language into Catholic worship in the 60s of the 19th century. Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years (pp. 570–582). Moscow: MGU. (In Russ.)
12. Koschel, P. (1996). Istorija syska v Rossii = The history of investigation in Russia: in 2 books. Minsk: Literature. (In Russ.)

13. Obninskiy, V. (1906). Polgoda russkoy revolyucii. Sbornik materialov k istorii russkoy revolyucii (oktyabr' 1905 – aprel' 1906) = Six months of the Russian Revolution. Collection of materials on the history of the Russian revolution (October 1905 – April 1906), 1. Moskow: tipografija I. N. Holchev i K°. (In Russ.)
14. Kiselev, A. A. (2008). Bomba dlya general-gubernatora. Revolutionniy terror i chinovniki MVD belorusskikh guberniy v 1905–1907 godah = Bombshell for the Governor General. Revolutionary terror and officials of the Ministry of Internal Affairs of the Belarusian provinces in 1905–1907. Belarusian Duma, 6, 48–53. (In Russ.)
15. Geyfman, A. A. (1997). Revolutionniy terror v Rossii, 1894–1917 = Revolutionary terror in Russia, 1894–1917. Moscow: CROWN PRESS. (In Russ.)
16. Drezen, A. K. (1936). Zarism v bor'be s revoluziei 1905–1907 gg. Sbornik dokumentov = Tsarism in the fight against the revolution of 1905–1907. Collection of documents. Moscow: Sotsekgiz. (In Russ.)
17. Chihachev, D. N. (1913). Vopros o raspolyachenii kostela = The question of the spread of the church. St. Petersburg: edition of N. N. Olshanskogo. (In Russ.)
18. Agursky, S. Kh. (1928). Revoluzionnoe dvizschenie v Belorussii (1863–1917) = Essays on the history of the revolutionary movement in Belarus (1863–1917). Minsk: Belarusian State Publishing House. (In Russ.)
19. Zapadnie okraini Rossiyskoi imperii (2006) = Western outskirts of the Russian Empire. Moscow: New Literary Review (In Russ.)
20. Solodkov, T. E. (1967). Bor'ba trudyazschihsya Belorussii protiv zarizma (1907–1914) = The struggle of the working people of Belarus against tsarism (1907–1914). Minsk: Science and Technology (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ананьев Сергей Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент

старший офицер отдела Главного центра научных исследований

Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ananyev Sergey Valerievich

PhD (History), Associate Prof.

Senior officer of the Department of the Main Center for Scientific Research

Federal Service National Guard of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.03.2025

10.04.2025

08.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication